

Мэри Брендан

Аметистовое ожерелье

Мэри Брендан

Аметистовое ожерелье

2001

Брендан М.

Аметистовое ожерелье / М. Брендан — 2001

После пережитых в юности предательства и унижения леди Элизабет Роу не ожидала от мужчин ничего хорошего. Те, кто страстно увивались за дочерью маркиза и льстиво восхищались юной красавицей, забыли об уважении и вежливости, когда сочли репутацию Элизабет погубленной. Десять лет девушка старательно скрывала обиду и боль за маской высокомерия и гордости, отошла от светской жизни и посвятила себя помощи бедным. Но энергичная бабушка Элизабет не теряет надежды найти любимой внучке подходящего мужа, достаточно смелого, чтобы пренебречь мнением света, и достаточно упорного, чтобы преодолеть преграды, которые возвела вокруг себя Элизабет. Кто лучше подойдет на эту роль, чем отважный морской волк, красавец Росс Трилоуни, новоиспеченный виконт Стрэттон?

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	12
Глава третья	17
Глава четвертая	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Мэри Брендан

Аметистовое ожерелье

Глава первая

– Элизабет!

Леди Элизабет Роу влетела в просторный холл роскошного дома бабушки и увидела, как та изменилась в лице и зажала пальцами нос.

Элизабет покорно опустила глаза и посмотрела на свой подол – он был совершенно грязный. Да, не надо было прыгать через сточную канаву! Но как иначе доберешься сюда из воскресной школы на Бэрроу-роуд? Она проводила там немало времени, помогая его преподобию Клеменсу.

– Посмотри на себя! – укоризненно воскликнула бабушка, брезгливо указывая рукой, унизированной золотыми кольцами, на грязные юбки внучки. – Знаешь, как я узнаю, что ты вернулась? По запаху! Мой нос еще ни разу не подвел меня!

– Не пили, бабушка, – сказала Элизабет, – бывают вещи похуже, чем грязные юбки. Я только что вернулась от несчастных сорванцов, которые каждый день дышат вонью и ходят по щиколотку в грязи.

Эдвина Сэмпсон, полная женщина небольшого роста, вдруг взорвалась.

– Почему у людей нет ни ответственности, ни желания работать? Закрой дверь! – набросилась она на величественного мужчину, который, подняв седые брови, флегматично рассматривал грязные следы на еще недавно безупречно чистом мраморном полу. – Быстро! Я не могу позволить, чтобы мой дом выстудили! Вы хоть знаете, сколько стоит мешок угля? А телега дров?

– Разумеется, знаю, мадам, – спокойно ответил Гарри Петтифер. – Я только что рассчитался за топливо.

– Какая наглость, Петтифер!

– Наглость не в моем характере, мадам, – спокойно отозвался дворецкий и, придав лицу таинственное выражение, невозмутимо пошел по холлу. Когда он проходил мимо Элизабет, то хитро подмигнул ей, и та едва успела подавить невольную улыбку.

Гарри Петтифер служил Сэмпсонам без малого тридцать лет. За те несколько лет, что Элизабет жила у бабушки, она была свидетельницей еще более забавных перепалок между хозяйкой и ее дворецким.

Глядя дворецкому в спину, Эдвина Сэмпсон вздохнула:

– На те деньги, что я плачу ему, я могла бы взять еще двоих слуг.

– Что ты, бабушка! Жалованье бедняги Петтифера не покрыло бы даже твой счет у кондитера! – воскликнула Элизабет, намекая на страсть бабушки к марципанам, из-за которых та сильно располнела.

Губы дворецкого тронула едва заметная улыбка, и бабушка прикрикнула на внучку:

– Прошу без намеков, мисс! Твоя бабушка – известная сластена! И что в этом плохого? Разве нельзя на склоне лет побаловать себя чем-нибудь вкусным?

– Ты очень хорошо знаешь, что мы гораздо больше нуждаемся в Петтифере, чем он в нас, – сказала Элизабет, направляясь к лестнице. – Я слышала, что миссис Пенни снова с ним встречалась. Смотри, переманит она его в свой дом в Брайтоне!

– Миссис Пенни?! Кто тебе сказал? – Бабушка воинственно поджала губы и прищурила светло-голубые глаза.

Элизабет откинула капор на спину, тряхнув пепельно-русой головой.

– Сейчас переоденусь и все расскажу. – Она подхватила юбки и взлетела по лестнице.

В своей комнате она брезгливо взглянула на грязный подол и позвала служанку. Поджав губы и наморщив свой маленький носик, Джози помогла хозяйке снять мокрые юбки, собрала их и отнесла в стирку.

Бабушка права, подумала Элизабет, ополаскивая лицо душистой водой с лепестками роз. Казалось, от этой вони невозможно избавиться. Даже когда приходишь домой и переодеваешься во все чистое, запах трущоб все равно остается.

Вот уже два с половиной года она ходит в воскресную школу на Бэрроу-роуд помогать его преподобию Клеменсу. За все это время воздух там оставался таким же отвратительным, как и сейчас. Ежедневно работая в залитых смолой и пропитанных солью доках, люди не успевали отмыться, и оставалось только удивляться стойкости, с какой они переносили выпавшие на их долю невзгоды. Вместе с недавней летней жарой появились тучи мух, которые с наступлением холодов исчезли. Как и некоторые ученики.

– Работает, мэм. Болен, мэм, – объясняли отсутствие ученика или ученицы их соседи по лавке.

– Умер, мэм, – был однажды и такой ответ.

Какой-то сердобольный прихожанин отдал пустой угол своего склада под классную комнату для обучения двадцати-тридцати местных беспризорников, чтобы отвлечь их хотя бы на какое-то время от воровства на пристани и приобщить к Священному писанию.

Элизабет уселась в бархатное кресло перед трельяжем, и Джози начала с помощью шпилек укладывать ее непокорные волосы.

Каждое воскресенье Элизабет с Хью Клеменсом пробирались по запутанным узким переулкам на Бэрроу-роуд. В зимнюю стужу и летнюю жару они шли дворами, под веревками с серым, плохо отстиранным бельем, мимо мрачных приземистых бараков. В проемах разбитых дверей сидели изможденные женщины с рахитичными детьми на руках, а по булыжной мостовой бродили дети постарше и рылись в отбросах, в надежде найти что-нибудь полезное.

Элизабет устало закрыла голубовато-сиреневые глаза, вспомнив о своих несчастных учениках. Что они думают, когда смотрят на нее, ковыряя пальцем в носу или то и дело почесываясь? Про свои пустые желудки? Про работу, которую они только что оставили и к которой снова вернутся после школы? Верят ли они в рассказы о Всемогущем Господе и о его благодеяниях, если в их жизни существуют только голод и жестокость?

– Если, благодаря нашей работе, хотя бы один ребенок, когда вырастет, не станет завсегдатаем распивочной или публичного дома, я буду считать свой долг выполненным, – отвечал Хью Клеменс на все ее вопросы.

– Мы должны вместе помогать бедным, – ответила она священнику, и он, взяв ее за руку, на несколько минут задержал в своей, пока Элизабет ее не высвободила.

– Так-то лучше. – Эдвина Сэмпсон окинула взглядом миниатюрную фигурку внучки. Элизабет вошла в уютную гостиную, освещенную колеблющимися языками пламени из камина. На ней было розовое платье, густые русые волосы собраны на затылке в тугий пучок, что делало ее несколько выше при ее маленьком росте. – Вот теперь ты снова стала моей ненаглядной Лиззи. Хорошо выглядишь и пахнешь.

– Кстати, о запахах, бабушка... ты курила в гостиной? – спросила Элизабет, втянув воздух. – Пахнет, как в комнате для карточной игры, прокуренной джентльменами.

– Откуда ты знаешь, как пахнет в комнате для карточной игры? – Бабушка попыталась незаметно задвинуть окурки под свое кресло.

– Папа и его друзья курили без конца, когда играли в карты в голубой гостиной в Торникрофте. С тех пор я чувствую табачный дым за версту.

– Вон оно что! А то уж я подумала, что ты была в компании настоящего курящего мужчины, а не этого святоши с вечно кислым лицом, который волочится за тобой.

– Хью очень совестливый и добрый джентльмен. – Леди Элизабет укоризненно взглянула на бабушку. – Мы с ним просто хорошие друзья.

– Он тебе еще не сделал предложения? Элизабет наклонилась и протянула руки над каминной решеткой.

– Нет, не сделал. У него и в мыслях нет ничего подобного. Он прекрасно знает, что наши отношения чисто дружеские.

– Слава богу! – Бабушка погрозила ей пальцем. – Нельзя сказать, что я махнула рукой на твоё замужество, но тебе скоро двадцать девять лет! Подумай, Элизабет. Я уже в годах, и я не вечна. Мне хотелось бы умереть спокойно, зная, что твоя жизнь устроена.

– Что ты, бабушка! Ты такая крепкая! Ты проживешь еще лет двадцать! И ты прекрасно знаешь, что я никогда не выйду замуж. – Элизабет решила сменить тему. – Послушай, я узнала, что миссис Пенни снова строила глазки Петтиферу и соблазняла его своими деньгами.

– Не заговаривай мне зубы, внученька! Мне шестьдесят пять лет, и у меня часто болит вот здесь. – Бабушка ткнула пальцем в подреберье. – Возможно, это говорит о серьезном заболевании, которое сведет меня в могилу.

– Скорее всего, это просто несварение желудка, – попыталась отшутиться внучка. – И как ему не болеть, если ты постоянно ешь?

– Элизабет. – Бабушка заговорила строгим тоном. – Такая красивая женщина, как ты, должна быть замужем. Нельзя из-за трагедии, произошедшей десять лет назад, оставаться одной всю жизнь. Это было давно, люди уже все забыли.

– Но я не забыла! И никто не имеет права навязывать мне мужа. Хью добрый и заботливый человек, но я дочь маркиза, а он из бедняков. Так что, пожалуйста, бабушка, не будем больше об этом.

Изобразив театральным жестом полное отчаяние, Эдвина откинулась на спинку кресла, но другой рукой потянулась к серебряному подносу с марципанами.

– Скажи, Элизабет, почему эта драная кошка Алиса Пенни оказывает знаки внимания нашему дворецкому?

– Думаю, потому, что он очень красивый, – ответила с улыбкой внучка.

– Ха! Да он уже старый и к тому же чудаковатый! Он старше меня на целый год! – проворчала бабушка, жуя марципан.

– Но он все еще очень крепкий и красивый мужчина. Как рассказывала Софи, многие дамы из окружения миссис Пенни хотели бы, чтобы их гостей встречал такой красавец. Я слышала, что они даже заключили пари, кому удастся первому увести Петтифера у нас из-под носа. Я уверена, что на кон поставлена кругленькая сумма!

– Пари? – воскликнула Эдвина с негодованием. – Как они посмели! Он был моим дворецким тридцать лет и им и останется! Я не дам ему рекомендацию, если он решит уйти от меня.

– Она ему не нужна – миссис Пенни возьмет его и так.

Эдвина отбросила темные с проседью локоны от пылающих щек. Пари? Ничего у этих распушенных кошек, с Алисой Пенни во главе, не выйдет!

Гарри Петтифер был довольно приятным мужчиной благородного происхождения. Если бы не его отец – сэр Роджер Петтифер, доведший семью до нищеты своей неумной любовью к опасным затеям, – его младший сын получил бы свою долю наследства. Однако... ему пришлось стать дворецким у своего друга.

Дэниел Сэмпсон сделал блестящую карьеру, пройдя путь от скромного продавца до крупного владельца роскошных магазинов, в то время как Гарри жил на широкую ногу и нет-нет да занимал у своего друга. Затем Роджер Петтифер обанкротился, и его сыновья остались без средств к существованию. Однако Дэниел Сэмпсон простил своему другу долги и осторожно – полуплути, полусерьезно – предложил Гарри должность дворецкого. После смерти друга Гарри

остался дворецким у его вдовы. Он получал вполне приемлемое жалованье, и если бы захотел уйти, Эдвина была бы не вправе его удерживать.

– Во сколько мы выезжаем к Хизкоутам?

– В восемь, – отозвалась Элизабет. Сегодня вечером они собирались на тихий семейный ужин к близкой подруге Элизабет – Софи Хизкоут. Это была весьма привлекательная брюнетка двадцати двух лет, с острым умом, который и не думала скрывать, что в глазах высшего света делало ее непривлекательной невестой – какой муж захочет иметь жену умнее себя. Обе молодые женщины успехом в обществе не пользовались – их яркая индивидуальность не укладывалась в привычные рамки, а с тех пор как после смерти отца, маркиза Торникрофта, Элизабет несколько лет назад переехала из сельской местности в город, эти незаурядные натуры потянулись к друг другу и стали неразлучны.

– Лиззи, ты на меня не обидишься, если я не поеду с тобой к Хизкоутам? Знаешь, меня пригласили к Марии Фэрроу, у нее сегодня званый вечер. А тебя могла бы сопровождать к Хизкоутам твоя служанка Джози.

– Нет, бабушка, не обижусь. Я побуду у Софи совсем недолго. Завтра мы решили посетить Брайдвелл... – осеклась на полуслове Элизабет, поскольку бабушка презрительно фыркнула. – Бабушка, мы надеемся, что добрые люди пожертвуют... – Элизабет не договорила.

– Я должна сказать вам, юная леди, что я не такая богатая, чтобы тратить свое состояние на каких-то воровок и падших женщин! – Эдвина решительно поднялась из кресла и быстро пошла к двери.

– Бабушка, я же не прошу у тебя целое состояние, – вздохнула Элизабет. – Я согласна на несколько фунтов стерлингов. Мы бы купили этим женщинам разных тканей, из которых они могли бы что-нибудь сделать на продажу – фартуки или носовые платки...

– Если бы они не воровали носовые платки и фартуки, живя на воле, им теперь не пришлось бы шить эти вещи, сидя в тюрьме! – выкрикнула бабушка с порога.

– А ты не задумывалась, почему они воровали? – Элизабет вскочила со стула и пристально на нее посмотрела. – Да чтобы накормить своих голодных детей! И что же, теперь они должны вечно расплачиваться за свою единственную ошибку? Однажды я тоже ошиблась, ты забыла? – Бабушка и внучка молча смотрели друг другу в глаза. Первой заговорила Элизабет. – Извини меня, бабушка, – виновато проговорила она и снова села. – Я давно хотела попросить тебя... – Она замолчала, подбирая слова. – Те деньги, что ты откладываешь на мое приданое, похоже, останутся нетронутыми, так как я не хочу выходить замуж. Но если они действительно предназначены мне, то умоляю, разреши мне взять хотя бы небольшую сумму, чтобы я могла...

– Ты права в одном, – нетерпеливо перебила бабушка, – я коплю эти деньги для тебя, дорогая, и если ты думаешь, что я пушу на ветер заработанные с таким трудом гроши, то горько ошибаешься! Лучше я отдам эти деньги твоему мужу, даже если он проиграет их в карты!

– Вот-вот, – укоризненно проговорила Элизабет, – мужчины, которых ты прочишь мне в мужья, именно так и поступят! Наверное, мне лучше выйти замуж за священника – уж его-то я смогу уговорить дать мне денег на бедных!

– Ха! Ты полагаешь, я об этом не подумала? Никаких священников, это оговорено в завещании. Выйдешь замуж за священника – лишишься приданого!

– Бабушка, я тебя очень люблю, но отсутствие у тебя сострадания к бедным меня убивает! – Элизабет в отчаянии заломила руки.

– Лиззи, я тебя тоже очень люблю, но твоя неумеренная страсть к благотворительности убивает меня! – пожала плечами Эдвина, выходя из гостиной.

Леди Ребекка Рэмсен перестала читать и, подняв голову, устремила взгляд бирюзовых глаз куда-то вдаль. Этого не может быть! Она разгладила газету и перечитала сообщение. Надо же! Это правда! Прямо так и написано, черным по белому! Сложив газету, Ребекка поднялась из кресла и направилась к двери. В коридоре она наткнулась на своего пожилого дворецкого.

– Майлз, вы не видели моего мужа?

– Э... нет, мисс Бекки, – ответил Майлз, со вздохом глядя на свою взволнованную хозяйку. Только старые слуги, те, что знали ее еще девочкой, обращались к леди Рэмсен так неофициально. – Я предполагаю, он, скорее всего, у конюшни, где учит молодого хозяина ездить верхом на пони, – заботливо сказал дворецкий.

Ребекка уже догадалась и, махнув свернутой «Газетой», выбежала из дома.

Она открыла дверь амбара и сразу увидела мужа. Его темные бриджи, белоснежная рубашка и черные, как вороново крыло, волосы резко выделялись на фоне золотисто-желтой соломы. Темные глаза были устремлены на жену, чей силуэт высвечивался лучами послеполуденного солнца. Он улыбнулся ей такой восторженной улыбкой, что сердце у нее забилося сильнее. Люк приложил палец к губам, затем показал на их маленького сына, свернувшегося калачиком на мягком душистом сене.

Ребекка осторожно подошла к мужу.

– Почему ты ничего не сказал мне? – спросила она шепотом. – Это же такая потрясающая новость!

– Я еще не читал сегодняшней газеты. – Люк пожевал соломинку и со вздохом посмотрел на жену.

– Тогда угадай, что я только что прочитала! – Она спрятала газету за спиной.

– Не томи, Ребекка, скажи! – умоляюще прошептал он, стараясь отнять у нее газету.

Нет, не скажу! Угадай! Внезапно Люк схватил ее в объятия и уже собрался поцеловать, но она испуганно зашептала:

– Нет, не здесь... Вдруг Трои проснется?

– Тогда отдай газету, – приказал он громким шепотом.

Ребекка осторожно высвободилась из объятий мужа и показала сообщение, которое ее так взволновало. Люк Трилоуни, он же барон Рэмсен, медленно поднялся, на его лице играла довольная улыбка.

– Это очень похоже на Росса – никому не сказать, что в газетах будет объявлено, что он стал пэром Англии.

– Виконт Стрэттон! Как благородно звучит! – проговорила Ребекка. – Виконт Стрэттон из Стрэттон-Холла, что в графстве Кент. Я думаю, его сейчас просто распирает от гордости.

– Дядя Росс скоро приедет? – неожиданно раздался детский голосок.

Ребекка наклонилась к мальчику и пригладила его черные, как у отца, волосы.

– Нет, дорогой. Но твой дядя Росс теперь знатный дворянин. Сам король удостоил его этой чести. Получив титул виконта он стал лордом Стрэттоном.

Троя Трилоуни эта новость очень озадачила. Он уже проснулся и смотрел на маму большими, цвета морской воды глазами.

– Раз дядя Росс стал таким важным, он не будет играть со мной в пиратов?

Ребекка с трудом подавила смех и беспомощно посмотрела на мужа.

– Я думаю, будет, – с улыбкой ответил Люк. Его младший брат в свои тридцать три года выглядел и поступал, как молодой норовистый бычок. – Не огорчайся, Трои, – если дядя Росс не сможет, то я поиграю с тобой.

– Из тебя не получится такой смелый вожак Черная Борода, как из дяди Росса, подумав, сказал Трои. – И он учит меня владеть его настоящей шпагой, а не моей игрушечной из дерева...

– Пора домой, дорогой, – перебила сына Ребекка, заметив, как изменилось лицо у мужа.

– Знаешь, дорогая, мне пришла в голову замечательная мысль, – проговорил Люк. – Отвези Троя и возвращайся сюда, полюбуемся на закат.

Ребекка взглянула в темные глаза мужа, мерцавшие каким-то таинственным блеском, и улыбнулась.

– Хорошо, я вернусь...

Минут через пятнадцать, передав старшего сына под присмотр няни, которая уложила его в кроватку рядом с колыбелью спящего младшего братишки, Ребекка спустилась в холл и быстрыми шагами направилась к выходу.

– Миледи, ужин будет подан через десять минут, – бросила ей вслед Джудит, когда Ребекка торопливо прошла мимо.

Ребекка остановилась.

– Ах... ах... – подыскивая слова, бормотала Ребекка, глядя в открытую парадную дверь, через которую был виден огромный оранжевый шар, неумолимо спускавшийся к горизонту. – Мы с лордом Рэмсденом... э... должны обсудить несколько вопросов относительно поместья... и хотели бы полюбоваться на чудесный закат. Нельзя ли подать ужин попозже?

– Минут на двадцать? – с улыбкой сказала Джудит.

Ребекка прикинула расстояние до конюшен и вздохнула.

– На тридцать. – Она подобрала голубые шелковые юбки и побежала к конюшне.

Джудит посмотрела ей вслед и улыбнулась. Восемь лет женаты, в детской уже двое сыновей, а леди и лорда все еще притягивает друг к другу как магнитом, подумала старая домохозяйка. Такого продолжительного медового месяца не было ни у одной женатой пары.

– Что это вы вертите в руках? – спросила Эдвина свою спутницу, когда они, раскачиваясь на рытвинах, ехали в удобной старой карете к миссис Фэрроу на партию в вист.

Эванджелина Филберт приподняла вязание, чтобы на него падал свет уличных газовых фонарей.

– Вяжу чулки. Я уже связала десять пар и отдала их вашей Лиззи. Она отвезет их завтра в Брайдвелл для заключенных.

– И вы туда же! Все словно сговорились! Еще немного, и вы начнете обивать пороги, чтобы этих преступниц выпустили на волю!

Эванджелина испуганно оглянулась, губы у нее дрожали.

– Только не ревите. А если заплачете, то я вас больше с собой не возьму, будете сидеть дома одна.

– О, я так люблю ходить в гости, – прошептала Эванджелина. – Ваши друзья все такие... такие...

– И какие же?

– Восхитительные. Очаровательные. Они вызывают у меня необъяснимый трепет!

Эванджелине было сорок три года, и она никогда не была замужем. Она жила с больной матерью, за которой терпеливо и безропотно ухаживала и которая была давнишней подругой Эдвины.

Сегодняшний вечер Эдвина собиралась провести у чрезвычайно очаровательной вдовы – очередной любовницы герцога Вермонтского. Она пользовалась печальной известностью в свете из-за своих измен этому вельможе. Однако пожилой герцог до сих пор был опьянен ее красотой и закрывал глаза на ее любовные похождения. Вечера миссис Фэрроу пользовались заслуженной славой, и Эдвина считала, что посещать их куда интереснее, чем сидеть у Хизкоутов и слушать разглагольствования Софи о влиянии планет на судьбы людей.

Несмотря на то, что миссис Фэрроу была на двадцать лет моложе, у них с Эдвиной было много общего. Обе они вышли из престолярства. Однако покойный муж Эдвины водился со знатными дворянами, а ее дочь вышла замуж за аристократа, маркиза Торникрофта, и у них родилась красивая дочь, любимая внучка Эдвины. Хотя Эдвина всегда мечтала о внуке. Шутка ли, внук простолюдинки – будущий маркиз! Но в одну из зим ее беременная дочь поскользнулась и упала, что привело к преждевременным родам, а потом и к смерти матери и ребенка. Тогда маркиз женился во второй раз, так как страстно хотел иметь наследника. Вторая жена подарила ему сына в первый же год их брака.

У Эдвины оставалась одна надежда – дожидаться рождения знатного правнука, если не принимать всерьез заявлений дорогой Лиззи, что она ни за что не выйдет замуж... С того рокового летнего вечера, когда ее скомпрометировали, прошло десять лет. Что бы тогда ни говорили, все это было не более чем глупая досадная ошибка.

Глава вторая

– Мария, здесь невыносимо жарко! – Эдвина обмахивала веером свое разгоряченное лицо.

– Это благодаря его превосходительству. – Мария, кивнула в сторону величественного лысоватого джентльмена, игравшего в вист за соседним столом. – Чарли, спасибо ему, держит меня в тепле с тех пор, как молодой Карстиэрз на прошлой неделе остался здесь на ночь. В моей спальне было так холодно, что я умерла бы от переохлаждения в собственной постели, если бы не полковой офицер с его горячей молодой кровью, который всю ночь согревал меня.

Эдвина громко расхохоталась, а Мария плавно и невозмутимо поплыла встречать вновь прибывших гостей. Это была красавица с белой, как алебастр, кожей, огненными косами и безупречными формами, облаченными в белый муслин.

Эдвина подошла к окну, где было прохладнее, и лицо у нее помрачнело – к дому подъехала карета Алисы Пенни. Миссис Пенни шла к дому неторопливой жеманной походкой. Уж не выиграла ли она пари и Гарри Петтифер перешел к ней?

Обмахивая разгоряченное лицо кружевным веером, Эдвина направилась к террасе, решив побыть на свежем воздухе. Она остановилась у чугунных перил и с силой вцепилась в них.

– Миссис Сэмпсон, вы выглядите очень воинственно, – вдруг раздался чей-то голос. – С кем вы собираетесь сражаться? У вас такое решительное лицо!

Эдвина оглянулась и увидела огонек заженной сигары. Подняв лорнет, она пристально взгляделась в глубину террасы.

– Это вы, Трилоуни? Скучаете? Решили вырваться из Карлтон-Хауз? Вас можно поздравить?

Высокий темноволосый и необыкновенно красивый молодой человек поднялся с каменной скамьи и направился к ней, попав в полосу света, льющегося через застекленную дверь.

– Благодарю за поздравление, – сухо ответил он.

– Я рада встрече с вами, Росс. Мы не виделись... – Эдвина замолчала, пытаясь вспомнить, когда они последний раз встречались.

– Года два, а может, и больше, – пришел ей на помощь виконт. – Последний раз мы виделись в Воксхолле, позапрошлым летом. Все это время меня не было в Лондоне.

– А когда вернулись, прячетесь на темной террасе! Отчего же вы стали таким застенчивым? – Эдвина рассмеялась.

– Я всегда становлюсь застенчивым в обществе умной женщины и я ни от кого не прячусь, – добавил он, сверкнув белозубой улыбкой.

– Так вы еще не женились... – задумчиво проговорила она. – Я сейчас представила, как какая-нибудь молодая кошечка загоняет вас в угол.

– Они именно так и поступают, Эдвина, – лукаво ответил он. – Но я не очень-то им подчиняюсь.

– Ах вы, бессердечный плутишка. Конечно, молоденькие девушки – не для вас. Вам же, наверное, лет тридцать, и вас интересуют более опытные и умудренные жизнью женщины?

– Так отчего у вас сегодня такое мрачное лицо? – спросил Росс, решительно меняя тему. Эдвина пристально взглянула на него.

– Мне и в самом деле хотелось бы с вами о многом поговорить, Стрэттон. Не скрою, мне нужен преданный друг и опытный советчик, так что приезжайте-ка ко мне завтра – поужинаем и обсудим все наши новости. Я уверена, что рассказами о своих героических подвигах вы произведете впечатление не только на меня, но и на... мою внучку.

Росс вздохнул и махнул рукой в знак согласия, перебрав в уме прежние договоренности.

Эдвина хотела что-то сказать, но дверь на террасу открылась, и женский голос произнес:
– Я обыскалась вас, лорд Стрэттон. Давайте куда-нибудь сходим, может, найдем приличную выпивку...

Росс, казалось, был очень доволен, что его, наконец, избавили от разговорчивой Эдвины.

– А я и не знала, что вы здесь со своей бабушкой, – сказала молодая женщина извиняющимся тоном. – Она действительно ваша бабушка? – Сесили Бут стояла в дверном проеме, и свет, лившийся из зала, освещал ее обольстительную фигуру.

– Эдвина пристально вгляделась в лицо молоденькой девушки и решила, что ей не больше двадцати. Однако она казалась очень уверенной в себе. Эдвина подождала, пока девушка выйдет на террасу.

– Да, я вполне могла бы быть ему бабушкой. А вы ему кем приходитеесь? – спросила она, улыбаясь торжествующей улыбкой победителя. – Так я жду вас, Стрэттон, к семи. И, пожалуйста, не опаздывайте. Суфле, которое я приготовлю, испортится, если перестоит.

Она вернулась в душный переполненный зал, позвала Эванджелину и через пять минут уже сидела в своей карете.

– Сесили недовольно посмотрела на возлюбленного, опустила темную головку и надула губки. Но Росс не обратил на это никакого внимания, продолжая смотреть на звезды. Тогда она положила свою маленькую ручку на сильную смуглую руку, лежавшую на чугунных перилах.

– Кто эта полная женщина?

– Моя хорошая приятельница. – Росс еще раз затянулся сигарой и бросил окурок в темноту.

– Бабушка, я же сказала тебе еще вчера вечером, что сегодня меня не будет дома.

– Да... да, я забыла. Но постарайся вернуться к ужину, это очень важно, так как у нас будут гости.

– Я их знаю?

– Э... Точнее, один гость. Этот джентльмен недавно вернулся в Лондон после долгого отсутствия, он мой давнишний друг. Мы с ним часто играли в карты, пока ты жила в Торникрофте со своим отцом. Ты его не знаешь. Как я уже говорила, он... очень смелый и его жизнь полна рискованных приключений. Ему есть, о чем рассказать. В настоящее время он принят при дворе, и там к нему очень благоволят.

Леди Элизабет натянула перчатки и надела нарядный капор на свою пепельно-русую головку.

– Ладно, если мы вернемся из Брайдвелла рано, я буду рада познакомиться с ним. Он, наверное, хороший рассказчик. – Она улыбнулась бабушке, подошла к окну и отодвинула занавеску. – О, коляска Хью уже подъехала, мне пора.

– Запомни, ужин ровно в семь. Скажи его преподобию, что у меня сегодня гость, виконт Стрэттон...

Элизабет легко сбежала вниз по каменным ступеням, и Хью Клеменс помог ей сесть в коляску. Элизабет тут же наклонилась к большой сумке.

– Двадцать пар вязаных чулок, рулон саржи, четыре моих шерстяных шали и три почти неносеных платья моей бабушки. Она никогда их не хватится, да к тому же они сели при стирке.

– Вроде бы миссис Сэмpton упомянула имя виконта Стрэттона или мне показалось? – спросил Хью, глядя на точеный профиль своей спутницы.

– Нет, вам не показалось. Бабушка сказала, что он ее старинный друг и сегодня приедет к нам ужинать. Что-то не так, Хью? – Она заметила, что священник изменился в лице.

– Видите ли, ваша бабушка – натура эксцентричная и окружает себя людьми довольно странными... Меня очень удивило, что ваша бабушка и виконт – давнишние друзья.

– Почему? – Элизабет была заинтригована.

– Он... холостяк... с определенной репутацией. Может, вы его даже знаете под именем Росс Трилоуни. Но недавно он получил от короля титул виконта. Разве вы не читали об этом в газетах?

Элизабет покачала головой и воскликнула:

– Уж не тот ли это Трилоуни... пират? Трилоуни из Корнуолла... тот самый, кто всегда в центре драки или скандала? Это тот самый разбойник?

– Трилоуни накопили на контрабанде огромное состояние, и теперь сами ведут борьбу с контрабандистами. Вот почему их принимают при дворе и возводят в пэры Англии.

Элизабет задумалась.

– Знаете, я слышала о нем невероятную историю. Рассказывают, что он вырезал печень у своего поверженного врага и съел ее на завтрак.

– Я думаю, все это выдумки, но то, что он злодей, не подлежит сомнению. И молодых леди нужно предупредить заранее, чтобы они обходили этого разбойника и его друзей стороной. – Хью покраснел от усердия. – Но вы, Элизабет, не принимайте сказанное на свой счет, поскольку еще не было на свете более добродетельной и милосердной леди, чем та, что сидит сейчас рядом со мной.

– Спасибо, Хью. И, пожалуйста, не забудьте, что на обратном пути нам надо захватить Софи. Надеюсь, вы не возражаете? – Но ум ее был занят не Софи и не его преподобием. Она снова и снова возвращалась к мысли о том, что бабушка собирается ужинать с бесчестным мошенником.

Если верить слухам, то новый виконт Стрэттон – такой же завзятый повеса, как и ее злейший враг, граф Кэдмор. Но если граф – молодежавый денди, неотлучно сидевший в городе, то Росс Трилоуни крайне редко появляется в Лондоне, и, как рассказывают, судьба забрасывала его в места, довольно удаленные от столицы.

Но почему бабушка настаивала, чтобы она вернулась вовремя и ужинала в компании старого морского волка? Почему во что бы то ни стало, хочет познакомить ее со своим давнишним другом? Элизабет содрогнулась, представив, как этот бабушкин знакомый разговаривает за столом с полным ртом и гогочет в самый неподходящий момент, проливая на скатерть соус или вино.

Хью сказал, что этот бабушкин друг холостяк... И пэр королевства! Но ведь он, вероятнее всего, бабушкин ровесник. Вряд ли в таком возрасте закоренелый холостяк вдруг решит жениться. Эта мысль успокоила Элизабет, и она наградила Хью Клеменса такой ослепительной улыбкой, что тот на минуту замер от удивления. Придя в себя, он стал так размахивать кнутом и улюлюкать, что испуганные кони понеслись, словно на крыльях.

– Заключите пари, что он от вас никуда не уйдет, затем дайте ему отступного, чтобы остался. – Росс отпил из своего бокала. – Выиграв пари, вы возместите сумму отступного, если, конечно, он согласится взять ее.

– Пожалуй, я так и сделаю. – Эдвина подцепила на вилку кусок жареного фазана. – Петтифер, конечно, будет не против такого подарка перед самым выходом на пенсию. Но мне негде достать денег. Своих у меня совсем немного, чтобы утереть нос этой Пенни, нужны наличные... Попробуйте это желе из красной смородины с апельсиновым ликером. – Эдвина подтолкнула к Россу серебряный соусник.

Росс взял его. Какого дьявола он клюнул на предложение Эдвины поужинать? Можно было это сделать и в компании Сесили. Вероятно, он слишком долго пробыл при дворе короля Георга, который прославился своим увлечением полнотелыми матронами. Сам Росс предпочитал молоденьких женщин, с которыми можно весело провести время, которые не помышляют о замужестве и не плачут, когда он внезапно исчезает и больше не появляется.

Он посмотрел на Эдвину и улыбнулся. Ему нравилось ее общество. Она ничего не просила у него, ей нужно были только его совет и воспоминания о прошлом. Они, в самом деле, вспомнили за ужином несколько забавных историй.

– У вас прекрасный дом, Эдвина. Не похоже, чтобы у вас были затруднения с деньгами.

– О, разумеется, нет! – поспешно ответила она. – Но я более бережлива, чем вы.

– Стрэттон, и у меня... э... рука не поднимется взять хотя бы небольшую сумму из моих накоплений.

– А может, вам просто попросить нужную сумму? – Росс лукаво улыбнулся.

– Мне и нужно-то всего двенадцать тысяч... которые вы получите обратно через две недели плюс хорошие проценты, – тут же ответила Эдвина, вытирая рот белоснежной салфеткой.

– Двенадцать тысяч?! – медленно повторил он. – Вы что же, хотите удержать своего дворецкого, выделив ему жилье, прислугу и карету с упряжкой лошадей?! Уж не влюбились ли вы в него, Эдвина?

Эдвина взмахнула руками и звонко рассмеялась.

– Да что вы! Гарри Петтифер был бы рад и десятой части этой суммы! Эти деньги нужны мне, чтобы заключить пари с миссис Пенни. Видите ли, ее покойный муж оставил ей доход в десять тысяч в год, дом в Лондоне, дом в Брайтоне, большое поместье в Суррее... Она может себе позволить проиграть пари и потерять небольшую – по ее меркам сумму...

Росс откинулся на спинку стула, поднеся бокал к губам, посмотрел сквозь него на Эдвину. Он ожидал, что на ужине вместе с ними будет дородная простоватая молодая женщина, которая бы краснела и хихикала. С тех пор как известие о его возведении в пэры появилось в газетах, он не мог шагу ступить, чтобы какая-нибудь матрона, ведя за руку свою великовозрастную дочь, встретив его на улице, не напомнила бы ему о прежнем знакомстве. Но, похоже, сегодня его тревога оказалась напрасной.

– А где же ваша внучка? – спросил он исключительно из вежливости.

От неожиданности Эдвина чуть не подавилась. Черт возьми! Она была уверена, что он забыл о внучке! Она решила не упоминать при нем о своей дорогой Лиззи и надеялась, что ее упрямая внучка не проявит несвойственной ей кротости и не будет рваться домой, чтобы поспеть к ужину. Все складывалось так хорошо... Но Росс смотрел на нее откровенно насмешливым взглядом... Этого парня не проведешь!

– О, она уехала по своим делам... Она занимается благотворительностью, – проговорила Эдвина. – Представляете, она ничем не интересуется, кроме помощи обездоленным и несчастным, и проводит все свое время в обществе пожилых дам и священнослужителей. Вам с ней будет неинтересно, – заключила она. – Не уходите от темы нашего разговора, Стрэттон. Вы у меня в долгу. Помните, вы проиграли пятнадцать тысяч, и я заплатила за вас? А в другой раз я заняла ваше место за карточным столом, когда вы, играя всю ночь напролет, клевали носом, и я отпустила вас вздремнуть на часок?

– Хорошо, хорошо, сдаюсь! – засмеялся Росс. – Что за вопрос? Но я могу дать вам займы не больше десяти тысяч, и только на две недели. – Он нахмурился. – Поместье съедает уйму денег, да еще там живут несколько приживалок. Не только у вас проблемы со старыми слугами.

– Да, мы с вами дружим вот уже пятнадцать лет! Я помню, как вы впервые приехали в Лондон... Такой желторотый птенчик! Я всегда относилась к вам, как к родному внуку.

– Вы были добры ко мне, и я этого не забыл, Эдвина. – Росс улыбнулся. – Поэтому я и даю вам займы наличными. Завтра же пришлите своего человека к Джеси на Ломбардной улице, и пусть он заберет договор, который вам нужно будет подписать.

– Договор?! – воскликнула Эдвина. – Вы не доверяете старому другу, который столько раз спасал вас от долговой тюрьмы?!

– Разумеется, доверяю. – Росс опять улыбнулся. – И я все помню. Но договор будет составлен для вашей же пользы: чтобы я не раздумал дать вам займы такую внушительную сумму.

Элизабет отпила горячего чаю и взглянула на стенные часы – была почти половина десятого вечера. Она очень устала и с удовольствием покинула бы это небольшое собрание «Общества взаимопомощи». Его члены каждую неделю посещали исправительные учреждения для женщин и детей в Тотхилле, а потом по традиции собирались в доме миссис Мартин, чтобы выпить по чашке чая и потолковать о том о сем. Обычно Элизабет внимательно прислушивалась к разговорам, но сегодняшний вечер стал исключением. Весь день она думала только о виконте Стрэттоне.

Заметив, что она часто смотрит на часы, Хью наклонился к ней:

– Вы считаете, нам пора?

Элизабет улыбнулась. Если она приедет домой до десяти, то еще застанет виконта Стрэттона. Она знала по опыту, что бабушка подавала своим гостям никак не меньше двадцати блюд.

– Что вы скажете о методах перевоспитания уголовных преступников, применяемых в Тотхилле? – спросил Хью, когда они направлялись на Коннот-стрит, к дому Элизабет.

– Я думаю, что это невероятная глупость, – ответила она и вдруг увидела элегантную карету и несколько нарядно одетых слуг возле нее. Сердце у Элизабет забилось сильнее. Лошади тронулись, и незнакомая карета поравнялась с коляской Хью. Элизабет затаила дыхание.

Сначала она увидела темную макушку. Неожиданно пламя зажженной спички осветило руку с сигарой, тяжелый подбородок и темные пряди волос, упавшие на лоб. Потом мелькнули белые зубы, когда мужчина поднес зажженную сигару к чувственному рту. Заметив коляску, незнакомец неторопливо посмотрел в окно и машинально погасил спичку. Он увидел широко раскрытые глаза и кудри, выбившиеся из-под нарядного капора. Мужчина подался вперед, но коляска уже проехала мимо.

Глава третья

– Дорогая, что, черт возьми, случилось? На тебе лица нет! – Эдвина оторвалась от романа. – Тебе надо прекратить ездить по тюрьмам, Лиззи, ты выглядишь после них несчастной и разбитой. Ты не боишься подцепить там лихорадку или того хуже... вшей? – Эдвина пожала плечами, облаченными в атлас.

– Бабушка, виконт Стрэттон только что уехал, да? – выпалила Элизабет, снимая капор с русой головки.

Эдвина с любопытством взглянула на внучку.

– Да, минут пять назад, не больше. Еще немного, и вы столкнулись бы в дверях. Ужин удался и очень понравился Стрэттону...

– Сколько ему лет? – нетерпеливо перебила Элизабет. – Ты говорила, что давно с ним знакома, и я представляла его твоим ровесником... таким же старым, как ты.

– Ну, спасибо, внученька! А я и не знала, что ты считаешь свою бабушку дряхлой и немощной! – фыркнула Эдвина. Положив роман на край стола, она отщипнула кусочек марципана на серебряном блюде. – Я знаю его уже пятнадцать лет, но, когда мы впервые встретились, ему было не больше восемнадцати... Постой, Лиззи! Что ты морочишь мне голову? Ты меня словно допрашиваешь! – Эдвина сверкнула глазами. – А! Ты видела его на улице! Не правда ли, дьявольски красив? Неужели ты пожалела, что провела вечер в компании священника с вечно кислым лицом и опоздала к ужину? Ну, ты не первая, кто расстраивается, увидев такого красавца! Элизабет с укором посмотрела на бабушку.

– Я расстроена тем, что ты не все мне рассказала о его светлости! Ты не сказала, что Росс Трилоуни и виконт Стрэттон – одно и то же лицо. Хью открыл мне это, и был в шоке, узнав, что ты, все, зная об этом проходимце, пригласила его на ужин в свой дом.

– Не будь наивной, Лиззи! Ты думаешь, я прислушаюсь к мнению твоего церковника? Как бы не так! И Стрэттону все равно, что о нем думает какой-то священник. Как ты можешь судить о человеке, которого видела только мельком? Он тебя видел? – спросила бабушка с пристрастием.

– Нет... не знаю, – смутилась Элизабет. – Было темно, да и его карета промчалась слишком быстро...

– Хорошо, – буркнула Эдвина, явно довольная таким оборотом дела.

– Из того, что я смогла рассмотреть в полутьме, мне показалось, что он похож на цыгана... Так все считают.

– Это правда, кожа у него смуглая, но в этом нет ничего отталкивающего. И все эти сплетни о его разбоях в открытом море... сущий вздор. Он пользуется невероятным успехом в высшем свете и, я думаю, нарочно напускает на себя этот холодный, неприступный вид, чтобы выглядеть таинственным и загадочным. – Эдвина широко улыбнулась. – Сейчас, когда он обласкан при дворе, он может позволить себе зажарить быка на вертеле посреди любой улицы Лондона, хоть на Пэлл-Мэлл, и угостить уличных беспризорников. И это не мешает ему быть приглашенным на бал к леди Канингэм.

– Не вижу в этом ничего хорошего. – Элизабет пригладила волосы. – Он – мошенник, бабушка, и ты это хорошо знаешь.

– Может, и мошенник, но это не мешает ему быть настоящим джентльменом. И какие у него связи! Его старший брат – барон, у него большое поместье в Брайтоне. Клан Трилоуни владеет шахтами, флотилией, банками, он известен в деловых кругах всего мира.

Эта богатейшая и влиятельнейшая семья в хороших отношениях со всеми знатными аристократами Англии. Если Росс и ведет бурную жизнь, то только из-за своего неумного характера, а не из-за денежных затруднений.

– В таком случае, бабушка, – тихо проговорила Элизабет, – нам тем более надо избегать встреч с таким сумасбродным человеком.

В эту минуту вошел дворецкий.

– Раз леди Элизабет уже дома, могу я запереть входную дверь на замок и засов?

– Ах, да... Разумеется, – ответила хозяйка, слегка покраснев. – И, Петтифер...

Гарри Петтифер застыл в ожидании дальнейших распоряжений.

– Я хочу поговорить с вами перед вашим уходом на пенсию... – Эдвина пожелала внучке спокойной ночи и, когда дверь за Элизабет закрылась, села в кресло и посмотрела на высокого, представительного мужчину, стоявшего перед ней. – Вы согласны, что я все эти годы относилась к вам вполне справедливо? – выпалила она.

– Разумеется, мадам, – ответил дворецкий, поклонившись.

Эдвина пристально посмотрела на него – может, скажет что-нибудь еще? Но дворецкий молчал, глядя на нее ясными, спокойными глазами. Однако она заметила, как в глубине ярких синих глаз засветились веселые огоньки.

– Вы, кажется, решили, что трава в Суссексе более зеленая, чем здесь? – раздраженно спросила Эдвина.

– Уж не хотите ли вы спросить меня, принял ли я предложение миссис Пенни стать дворецким в ее доме в Брайтоне? Или что я дал согласие на такое же предложение от миссис Ди Вере или от леди Сейлисбури? – неожиданно спросил Петтифер.

– Вы прекрасно знаете, чего я хочу, – процедила она сквозь стиснутые зубы.

Гарри уставился в пол и старательно изучал свои туфли. Затем поднял голову, и смело посмотрел в лицо своей разъяренной хозяйки.

– Я еще не дал ответа на предложения этих леди, но должен вам сказать, что не имею никакого желания изучать оттенки зеленой травы за пределами Лондона, – грустно сказал он.

– Это почему же? – Эдвина подозрительно посмотрела на Гарри. – Я и без вас знаю, что эти... леди предлагали вам более выгодные условия, чем я.

– Не в деньгах счастье, тем более что у меня есть кое-какие необходимые для жизни средства... И я не собираюсь расставаться с леди Элизабет... и с вами. Прошло столько лет с той поры, как я поступил на службу к Сэмпсонам.

Эдвина потянулась к серебряному блюду, взяла кусочек марципана и отправила его в рот. Вдруг она взяла блюдо со стола и протянула Гарри.

– Попробуйте, – предложила она. – Ну, берите смелее!

Гарри Петтифер подошел поближе и отломил кусочек марципана своими длинными аристократическими пальцами.

– Мне кажется, Петтифер, мы оба хотим, чтобы Лиззи была счастлива. Но она слишком горда, чтобы снова начать выезжать в свет.

– Вы правы: леди Элизабет действительно гордая, и мне кажется, она временами... тоскует, – ответил Гарри, тщательно подбирая нужное слово.

– Да, она действительно тоскует...

– Я не сомневаюсь, что джентльмен, которого полюбит Элизабет, будет безмерно счастлив, что у него такая прекрасная жена.

– И прекрасная мать, – добавила Эдвина. Она разгладила складку на атласной юбке. – Было приятно снова встретиться с Трилоуни после его долгого отсутствия, вы не находите?

– Совершенно с вами согласен, мадам. Я всегда был расположен к мистеру Трилоуни, когда он приезжал в ваш дом. По-моему, виконт Стрэттон достойный молодой человек. – Очень мудрая мысль, Петтифер, я думаю точно так же. Итак, мы оба пришли к заключению, что моя внучка и виконт подходят друг другу и могли бы стать прекрасной парой. Но что нужно для этого сделать?

Войдя в ванную, Элизабет с удовольствием погрузилась в теплую душистую воду и, поддавшись настроению, дала волю воспоминаниям. Люди... события... разговоры...

Десять лет назад, когда стояло небывало жаркое лето, она, ее горячо любимый отец и его мать – бабушка Роу – приехали в Лондон. Бабушка Роу и бабушка Сэмпсон не выносили друг друга, и Эдвина Сэмпсон тут же уехала из столицы на все лето к сестре.

В том году, в мае, Элизабет исполнилось восемнадцать, и она была представлена ко двору. С этой минуты у нее начался самый волнующий, самый необыкновенный период в жизни.

Дочь маркиза, представителя одной из самых знатных и богатых династий страны, привлекала внимание молодых джентльменов, которые восторгались ее густыми пепельно-русыми волосами и голубыми глазами. Она обратила на себя внимание самых завидных женихов – одного герцога, двух графов и трех баронетов – и получила сразу девять предложений выйти замуж.

С тщеславием, присущим молоденьким девушкам, и высокомерием, привитым происхождением и воспитанием, леди Элизабет Роу слегка пококетничала с каждым поклонником, разбив с дюжину сердец, и уже через месяц после приезда в Лондон, несмотря на бдительность бабушки Роу, без памяти влюбилась.

Ее избранник настоял на том, чтобы сохранять их отношения в тайне, и, ослепленная первой любовью, самоуверенностью молодости и неопытностью, Элизабет с головой окунулась в волнующее романтическое приключение, не думая о том, что, когда все откроется, ее репутации будет нанесен непоправимый урон. Но что действительно было губительным в ее опрометчивом поступке, так это позор, павший на голову ее отца.

Элизабет устало прикрыла глаза и постаралась вспомнить лицо смуглого мужчины, который не был ее поклонником, но с которым она сталкивалась на приемах тем памятным летом.

На «периферии» большого света были свои, менее знатные повесы. Высокомерные и богатые, они легко расставались с деньгами, и об их расточительности ходили легенды. Они могли за вечер проиграть колоссальные суммы, заключать пари на сотни фунтов стерлингов по самому пустячному поводу. Проиграв наличные, могли поставить на серебряное ведро со льдом или на свою испанскую любовницу.

Не дай бог выйти замуж за такого распутника, подумала Элизабет, наверняка жизнь тогда покажется адом. Неожиданно в ее воображении всплыл образ загадочного мужчины с грубоватой цыганской внешностью и длинными темно-каштановыми волосами, зеленовато-кариими глазами. Его широкие плечи говорили о физической силе.

Она вспомнила, что, когда он смотрел на нее и ее друзей, его красивое грубоватое лицо оживлялось, будто он находил в этом что-то забавное. Но потом они стали видаться все реже. Говорили, что он пользуется большим успехом у женщин. В тех редких случаях, когда судьбе было угодно, чтобы они встретились, Элизабет казалось, что он слишком нагло рассматривает ее маленькую изящную фигурку...

Уже в пятнадцать лет она стала замечать, что мужчины заглядываются на нее, но слишком поздно поняла, что интерес мужчин может быть не только приятным, но и опасным, и ее благородное происхождение не дает гарантии, что к ней всегда будут относиться бережно и с уважением. Сегодня вечером она потому и была так непривычно взволнованна, что, когда их кареты поравнялись, взгляды ее и Росса неожиданно встретились. И, если признаться честно, она этого хотела...

Перебрав в памяти всех старых знакомых, Элизабет снова стала думать о виконте Сгрэттоне. Она даже не подозревала, что он и отъявленный негодяй Росс Трилоуни – одно и то же лицо. А уж о Россе досужие кумушки предпочитали говорить шепотом. Если бы она не оставила в свое время великосветскую жизнь, то их пути, кто знает, может, и пересеклись бы...

– Вы могли бы доверить это дело мне, милорд.

Росс едва заметно улыбнулся.

– Если и есть на свете человек, которому я доверю держать у моего горла острую бритву, то это вы, Хендерсон, – ответил он своему камердинеру, брея перед зеркалом свой смуглый квадратный подбородок. Ухмыльнувшись, он посмотрел на отражение другого мужчины.

Гай Маркхем высунулся из окна и смотрел вниз на улицу.

Росс мысленно перебрал в уме дела, которые нужно было закончить до отъезда в Кент. Передать несколько записок: Люк и Ребекка отправили его мать в Лондон погостить и теперь требовали, чтобы он подтвердил, что она доехала. Несколько его друзей тоже прибыли в столицу, чтобы лично поздравить с возведением в пэры Англии, – следовательно, надо отдать распоряжения о подготовке торжественного вечера. Младшая сестра Катерина написала, что не приедет в Лондон, так как еще не окрепла после рождения сына, но просит его стать крестным отцом своему маленькому племяннику. И что еще его очень беспокоило – это задержка с выплатой долга Эдвиной Сэмпсон, хотя две недели уже прошли.

Кроме того, было бы неплохо узнать, что за блондинка так пристально его разглядывала из той расшатанной коляски. Рядом с ней сидел какой-то мужчина, похоже священник. Ему еще не приходилось волочиться за женой священника. А может, она священнику дочь? Хорошо бы уточнить, поскольку смущенный взгляд таинственной блондинки кого-то ему напомнил...

– Ты будешь сегодня на вечере у Марии? Она говорила, что приедут сестры Кларк. Думаю, обласканному королем борцу с контрабандистами позволительно приволокнуться за какой-нибудь из них, а то и за обеими; если, конечно, ему удастся вырваться из когтей Сесили. А в Кент можно уехать и завтра утром, – предложил Гай.

– Нет, я хочу приехать в Стрэттон-Холл сегодня, – покачал Росс головой. – У меня назначена встреча с архитектором... – Он взял письмо с серебряного круглого подноса, поданного камердинером.

– Ты, я смотрю, помешался на переустройстве усадьбы, как и мой отец. От него только и слышишь: снести этот флигель... построить террасу... починить крышу...

– Когда поместье твоего отца станет твоим, ты меня поймешь, – ответил Росс с улыбкой.

Он отошел к окну и начал читать письмо. Увидев красиво выписанный адрес в верхнем левом углу страницы, он улыбнулся: Эдвина словно прочитала его мысли и сама прислала письмо.

В комнате вдруг повисла странная тишина, и Гай удивленно посмотрел на друга. Лицо Росса застыло, словно маска. Он скомкал письмо и беззвучно выругался сквозь стиснутые зубы.

– Что, плохие новости? – тихо спросил Гай.

– Плохой ход... – проговорил Росс с такой улыбкой, что у Гая мороз побежал по коже. – Очень плохой ход, Эдвина! – Он зловеще усмехнулся и вышел из комнаты.

Глава четвертая

– Миссис Сэмпсон, успокойтесь! Я не вижу причин поддаваться панике!

– Успокоиться?! Моя внучка два часа назад заявила мне, что не желает меня больше видеть... Пришлось запереть ее... чтобы не сбежала к своему священнику. А ведь я кормила и поила ее все эти годы, с тех пор как тот негодяй выставил ее. А теперь еще явился этот Трилоуни! Вы говорите, лицо у него перекошено от гнева? Все так запутано! Как я могу оставаться спокойной?

– Вы могли бы и сами догадаться, что леди Элизабет будет против. Такая новость кого хотите, приведет в отчаяние. Виконт внешне сдержан, но внутри у него все кипит от гнева.

Эдвина пристально посмотрела на своего дворецкого.

– Я должна понять, хорошая ли я бабушка, – проговорила она. – Я могу каждую минуту покинуть этот мир и не хочу, чтобы это случилось раньше, чем жизнь Лиззи окончательно устроится. А если Стрэттон ее отвергнет? Что мне тогда делать? – Эдвина закрыла глаза и начала что-то шептать. – Лиззи нужен человек, который бы любил ее и заботился о ней. И относился к ней с уважением. Я не представляю никого другого, кроме Стрэттона. А как вы думаете, Петтифер?

Дворецкий улыбнулся и подтвердил, что он полностью согласен с мнением хозяйки.

– Дело сделано исключительно для блага моей дорогой внучки. Ей никогда не придется просить помощи у другой бабушки, как и у ее неприятной невестки... мачехи Лиззи. – Эдвина с отвращением сморщила нос. – Вторая жена ее отца никогда не интересовалась своей падчерицей. Итак, я должна успокоиться, набраться храбрости и перестать болтать...

– Рад слышать это, миссис Сэмпсон, – раздался знакомый голос у двери. – Признаться, прочитав ваше письмо, я уже начал бояться, не сошли ли вы с ума. Извините за вторжение, но у меня очень мало времени. Мне кажется, мы должны сейчас же во всем разобраться.

Эдвина в смущении поправила юбки и широко улыбнулась.

– Входите, входите, Стрэттон. Хорошо, что вы так быстро ответили на мое письмо. Петтифер, прикажите подать чай. И поторопитесь. Вы слышали: виконт очень занятой человек... Да, Петтифер, не забудьте зайти к моей внучке...

Гарри Петтифер наклонил голову в знак того, что он ничего не забыл.

* * *

Элизабет – в который раз! – подбежала к двери, подергала ручку и посмотрела в замочную скважину. Дверь не поддавалась. Тогда она несколько раз стукнула по ней маленькими кулачками, вернулась в комнату и закрыла глаза, пытаясь успокоиться. Нельзя во всем винить Эдвину. Таким дурацким способом эта упрямая женщина хочет обеспечить ей, ее дорогой Лиззи, счастливое будущее. И свято верит, что совершает доброе дело, привлекая для этого «шаловливого джентльмена», как Эдвина окрестила Росса Трилоуни.

Элизабет горько улыбнулась: значит, ее предположение, будто виконт ищет себе супругу благородного происхождения, оказалось верным и ей, по словам бабушки, предстоит стать женой этого выскочки.

Но они ошибаются, им обоим придется скоро убедиться, что она, Элизабет, не позволит обращаться с ней, как с тряпичной куклой! Она никогда не выйдет замуж насильно, даже если ей придется поплатиться за это приданым. Стоит только намекнуть Хью – и он сделает ей предложение. Правда, им придется жить впроголодь в этом забытом Богом приходе, кото-

рый бабушка так презирует, но уж лучше так, чем всю жизнь стыдиться грубого, неотесанного мужа-разбойника, который женился на ней только из-за денег ее состоятельной бабушки.

– Я решил, что вы пошутили, Эдвина, – Тихо сказал Росс, ставя чашку на стол и откидываясь на спинку стула.

– Пошутила?! Вы считаете, что я могу шутить такими вещами? Мне самой все это не нравится, не только вам, но мне сейчас просто не везет. Я проиграла пари. Я не бедная, но сейчас у меня просто нет наличных денег. Один торговец, вернувшийся из Индии, привез мне товары, и я не сомневаюсь, что заработаю на их продаже кругленькую сумму, по сравнению с которой десять тысяч – сущий пустяк. Вы должны немного подождать, вот и все, – сказала Эдвина, не глядя на Росса.

– Я никому ничего не должен! – возразил он таким тоном, что у нее по спине побежали мурашки. – Я хочу одного – получить свои деньги. По договору, подписанному вами, долг нужно было вернуть еще вчера. Не сегодня-завтра в Кент придут строители, кирпич, черепица, древесина... Я не намерен отправлять все обратно поставщикам! – сухо проговорил Росс.

Эдвина была одной из самых богатых вдов Лондона. И самая умная. Почему она лжет, будто у нее денежные затруднения, Росс объяснить себе не мог.

К деньгам он всегда относился пренебрежительно, как, впрочем, и к женщинам, и теперь пожинал плоды своей двойной глупости. Возведенный в аристократы всего несколько недель назад, теперь он вынужден был следовать незыблемому принципу «происхождение обязывает».

– Эдвина, мы были друзьями столько лет! Мне не хотелось бы, чтобы наша дружба оборвалась подобным образом, – проговорил он с располагающей улыбкой, которая не вязалась ни с холодным блеском его зеленовато-карих глаз, ни с твердой линией плотно сомкнутых губ.

– У Сэмпсон остался только один верный способ обзавестись деньгами – пойти попрошайничать! – воскликнула Эдвина. У нее пересохло во рту, язык еле ворочался, лицо пылало под пронизательным взглядом Росса. Никогда еще им не приходилось так серьезно противостоять друг другу. Она знала, каким беспощадным он может быть в ярости, но так он расправлялся только со своими заклятыми врагами. Эдвина никогда не думала, что ей придется испытать все это на себе.

Впрочем, панический страх, охвативший ее вначале, понемногу прошел. Все больше успокаиваясь, она поняла, что Росс очень подходит гордой, неуступчивой Лиззи. Они прекрасно дополняли бы друг друга: хрупкая, женственная Элизабет и мужественный, атлетически сложенный Росс. Когда они окажутся в одной комнате, от столкновения их страстных темпераментов и незаурядных характеров полетят искры, но пламя, зажженное ими, будет согревать их всю жизнь.

– Моей внучке несколько лет назад был установлен пенсioen: пятнадцать тысяч единовременно и пожизненная ежегодная выплата в десять тысяч фунтов стерлингов каждый январь, – ехидно заметила Эдвина. – Почему же вы сразу не сказали? – сердито буркнул Росс. – Надеюсь, вы не сильно попользовались наследством вашей внучки? В противном случае меня бы мучили угрызения совести. Впрочем, вы восполните урон, когда ваш корабль придет из Индии, – насмешливо добавил он, неожиданно поднялся, поправил манжеты и, подойдя к большому стенному зеркалу, поправил шейный платок. – Эдвина, я беру эти деньги. Благодарю вас. – Он внимательно посмотрел на свое отражение. – Теперь позвольте откланяться – я хочу прибыть в Кент засветло. Когда я могу заехать к вашему банкиру? – Росс остановился у двери.

– Когда надумаете жениться, – отпарировала Эдвина Сэмпсон с торжествующей улыбкой.

Петтифер подошел к двери, осторожно вставил ключ в замочную скважину и повернул его.

– Это ты, бабушка? – недовольно спросила Элизабет, отложив вязание и подойдя к двери.

– Это я, Петтифер. Леди Элизабет, бабушка хочет поговорить с вами. Она ждет вас в гостиной.

Элизабет проскочила мимо него и быстро сбежала по лестнице. Эдвина сидела у камина, потягивая мадеру. Глубоко вздохнув, Элизабет плотно закрыла за собой дверь гостиной.

– Я больше не хочу ссориться, бабушка, – проговорила она решительно. – Но я хочу знать, почему ты заперла меня в моей комнате? Решила, что я сбегу, выслушав эту ахинею? У меня было время подумать, и я пришла к выводу, что все это не лезет ни в какие ворота! Ты меня поразила до глубины души! – проговорила она и замолчала в ожидании ответа.

Но Эдвина только вздохнула, будто обдумывала услышанное. Потом взяла бокал с мадерой и поднесла к губам.

– Так вот, – первой нарушила затянувшееся молчание Элизабет. – Извини меня, что я утром на тебя накричала. Мы бы с тобой не поссорились, если бы ты не выпила столько вина.

Эдвина вновь не проронила ни слова и – только потягивала мадеру. Это начинало не на шутку беспокоить Элизабет.

– Что с тобой, бабушка? Этот негодяй так запугал тебя, что ты утратила дар речи? Тебе нечего бояться! Я сейчас же пошлю ему письмо, из которого он узнает, что я о нем думаю! Он заставлял тебя подписать какой-то договор? Да я ему сейчас такое напишу...

– Ничего не надо писать, – перебила внучку Эдвина, ставя пустой бокал на столик. – Ты можешь отчитать его лично: виконт сейчас в нашей гостиной.

– Ты шутишь... – прошептала Элизабет, глядя на бабушку огромными, как два озера, глазами.

– Двадцать минут назад он произнес те же слова, что и ты, – проговорила бабушка с довольным видом. – Вы подумали одинаково, это добрый знак. Когда ты увидишь его, у тебя наверняка пропадет всякое желание его отчитывать.

– Как, он здесь? Сейчас?! И ты не предупредила меня? – Элизабет недоуменно глядела на бабушку.

– Ты же сама заявила, что не желаешь его видеть, – возразила Эдвина. – Действительно, он любезно согласился дать мне взаймы некоторую сумму денег, но я не смогла вовремя отдать ему долг.

– Это невероятно! Что ты мне сказки рассказываешь! У тебя же денег столько, что ты не знаешь, что с ними делать! – запальчиво проговорила Элизабет, всплеснув в отчаянии руками. – Когда я сказала, что, в крайнем случае, выйду замуж за священника, так это тебе не понравилось, а выдавать меня замуж за мошенника...

– За мошенника благородного происхождения, – поправила бабушка. – И к тому же очень красивого...

– Все! Хватит! Не желаю больше слушать! – процедила Элизабет сквозь стиснутые зубы.

– Иди, Лиззи, – ласково заговорила бабушка. – Виконт здесь... в гостиной... Он любезно согласился отложить свой отъезд в имение, чтобы дать тебе короткую аудиенцию, – торжественно закончила она.

Леди Элизабет Роу пристально посмотрела на Эдвину.

– Он... согласился дать... мне... аудиенцию, – словно эхо, чеканя каждое слово, повторила она. Перед ее мысленным взором вдруг возникли эти наглые темные глаза, которые десять лет назад всегда смотрели на нее насмешливо и дерзко. Она вспомнила, однажды он обвел ее оценивающим взглядом и презрительно ухмыльнулся, давая понять, что перед ним не уверенная в себе светская львица, а молоденькая наивная провинциалка, на которую не стоит обращать внимание.

– Между прочим, Лиззи, он очень занятой человек, – со вздохом сказала Эдвина. – У него очень мало времени, так как он торопится – в свое имение в Кенте, однако он согласился уделить тебе несколько драгоценных минут.

– Ах, всего несколько драгоценных минут! – Пухлый ротик Элизабет надменно сжался. – Какая щедрость с его стороны! – проговорила она дрожащим от гнева голосом.

– Лиззи, у тебя помялось платье, и выбились из прически волосы... – Бабушка быстро поднялась из кресла и обошла внучку кругом, поправляя складки на платье из розового крепа и приглаживая пепельно-русые волосы. – Росс привык к красивым, изысканно одетым женщинам. Нужно, чтобы он увидел тебя в выгодном свете... Мне кажется, ты сегодня очень хорошо выглядишь... Гораздо моложе своих лет...

Элизабет увернулась от заботливых бабушкиных рук и, отбежав, остановилась в двух шагах. Она была словно натянутая струна. Она решительно направилась к двери, распахнув ее с такой силой, что бабушка испугалась за свои обитые кремовым шелком стены.

Пройдя несколько шагов, Элизабет выдернула дрожащими пальцами шпильки из пучка и бросила их на пол. «Вы привыкли к красивым, изящно одетым женщинам? Так вот вам!» – прошептала она и взлохматила волосы, затем стала яростно мять руками юбки.

У двери в гостиную она остановилась, закрыла глаза, глубоко вздохнула и нажала на ручку...

Ей показалось, что в комнате никого нет. Вероятно, виконт возомнил себя важной птицей и давно ушел, не дождавшись ее. Она облегченно вздохнула и подошла к камину, чтобы согреться. Внезапно она поняла, что рада тому, что виконта нет и, что ей некого отчитывать. Элизабет почувствовала угрызения совести, обвинив себя в малодушии и трусости, и уже хотела уйти из гостиной, как вдруг остановилась.

Виконт стоял у двустворчатых дверей на террасу в правой части гостиной, одна из створок была приоткрыта и скрывала его от постороннего взгляда. Он смотрел прямо на нее.

Секунду, показавшуюся ей вечностью, она смотрела на него, не отрываясь. Во рту пересохло, сердце готово было вырваться из Груды. Это действительно был повзрослевший Росс Трилоуни, тот самый человек из числа «золотой» молодежи, который в ответ на ее смущенные взгляды всегда смотрел на нее надменно и пренебрежительно. Смуглый, как цыган, длинные, темно-каштановые, слегка волнистые волосы доходят до воротника фрака. Чего у него не отнимешь, так это умения одеваться: темно-коричневые брюки и рыжевато-коричневый фрак, черный шейный платок заколот булавкой с янтарем цвета переспелой вишни. Пожалуй, и его тигриные глаза тоже коричневого оттенка. Он оказался выше, чем она представляла, если встать рядом, она едва достанет ему до подбородка. Эта мысль вывела Элизабет из оцепенения – она же откровенно рассматривает его, и он это заметил – уголки его красиво очерченного рта слегка дрогнули.

Ее бросило в жар. Росс скользнул насмешливым взглядом по волосам, по розовому платью, и у нее вдруг появилось желание пригладить волосы и одернуть платье. Рука уже готова была подняться, но Элизабет вовремя спохватилась и скрестила руки на груди.

– Что это с вами?

Она вздрогнула от звука его хрипловатого голоса и облизала пересохшие от волнения губы.

– Что... со мной?

– Вы какая-то... растрепанная, – пояснил он, направляясь к ней.

Элизабет отошла на шаг, изобразив на лице улыбку и стараясь пригладить выбившиеся русые пряди.

– Я была в своей комнате, так как думала, что не представляю для вас никакого интереса. Но пришла бабушка и сказала, будто вы замучили ее постоянными напоминаниями и, что очень торопитесь. Поэтому я, как была, сразу же спустилась к вам.

Он нахмурился, и она поняла, что ответ пришелся ему не по вкусу.

Так это она! Росс никак не ожидал, что встретит ту блондинку из расшатанной коляски в доме Эдвины и, более того, незнакомка окажется ее внучкой. Он остался просто из вежливости

и хорошо сделал. Такая изысканная красота – большая редкость, и ее невозможно забыть. Даже сейчас, когда девушка выглядела так, будто продиралась сквозь лесную чащу. Он никак не мог вспомнить, где и когда ее видел.

– Извините, но Эдвина так и не сказала, как вас зовут... мисс Сэмпсон, – сказал виконт после небольшой заминки.

– Леди Элизабет Роу, – представилась Элизабет. Голос у нее слегка дрогнул, но слова прозвучали твердо и гордо. Худшее, чего она так боялась, случилось: сердце у нее тревожно сжалось, когда он понимающе улыбнулся и стал пристально рассматривать ее из-под полуопущенных ресниц.

Внезапно все прояснилось, он вспомнил. Непонятно только, почему Эдвина сама не представила ему внучку и почему так упорно сватает ее за него. Неужели трудно выдать замуж такую необыкновенную красавицу? В чем проблема? В подмоченной репутации? В ее возрасте? Она выглядит очень молодо, но, когда ее впервые вывезли в свет, ей было семнадцать, значит, сейчас ей что-то около двадцати восьми.

Эдвина, однако, непредсказуема! Он даже не догадывался о ее родстве с Торникрофтами, ему и в голову не могло прийти, что она теща покойного маркиза! Теперь она хочет выдать замуж свою нелюдимую внучку и, поскольку все сроки прошли, выдать ее... за него! Несмотря на презрительную надменность леди Элизабет, они с бабушкой, скорее всего, заодно и хотят окрутить его, пока красота леди Элизабет не начала угасать под влиянием неумолимого времени. А она весьма недурна... он каких-то пять минут в ее обществе, а все тело у него уже сгорает от страстного желания.

Элизабет почувствовала, что цинизм и презрение виконта начинают исчезать и его интерес к ней растет на глазах. Так было всегда, стоило ей назвать свое имя. Сначала, не зная, кто она, мужчины ее недооценивали, зато потом проявляли повышенное внимание. Она лихорадочно соображала, как ей поставить виконта на место, и одновременно боялась решиться на это. У нее пересохло во рту, губы дрожали. Она прикусила нижнюю губу и постаралась унять дрожь.

– Я слышал, вы делаете доброе дело, – сказал виконт.

– А вы – нет, – выпалила она, словно защищаясь.

– Его Величество может с вами не согласиться – он весьма доволен моей службой, – улыбнулся Росс.

– Видно, нашему королю легко угодить, – насмешливо отозвалась Элизабет.

Росс рассмеялся, слегка запрокинув голову, – пожалуй, достаточно для светской беседы.

– Давайте перейдем к делу, – проговорил он. – Вы знаете, что ваша бабушка должна мне некоторую сумму?

– Я знаю. – Элизабет не сводила с виконта глаз. – Однако есть вещи, которые вам, сэр, следовало бы знать: во-первых, я не верю, что между вами и моей бабушкой существуют какие-либо деловые отношения. Мне кажется, вы хотите ее обвести вокруг пальца, чтобы прибрать к рукам мое приданое. Во вторых, должна вам моя бабушка или нет – не имеет никакого значения, так как я не собираюсь выходить за вас замуж ни сейчас, ни когда-либо еще. Если вам нужны деньги, поищите их где-нибудь в другом месте. – Она отвернулась. – А теперь можете ехать, – добавила она через плечо, махнув рукой на дверь. Воцарилось гнетущее молчание. Не в силах вынести напряжение, Элизабет подобрала юбки и направилась к двери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.